

Кэтрин
Кроуфорд

Французские
дети
не капризничают

Уникальный опыт
парижского воспитания

Кэтрин Кроуфорд

«Французские дети не капризничают. Уникальный опыт парижского воспитания»

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

VOICI LA SITUATION, или ВО ЧТО МЫ ВВЯЗАЛИСЬ

Как мать двух маленьких дочерей, живущая в престижном городском квартале среди благополучных семей, я часто не могла понять, что происходило с родителями из моего окружения. Рискнув показаться предательницей собственного поколения, должна сказать: не знаю, когда и как это произошло, но мне стало ясно, что, хотя мы гораздо старательнее наших предков учили, удовлетворяли и поддерживали наших детей, мы все равно полностью потеряли контроль над ними, а попутно еще и утратили и контроль над собственной жизнью. И это плохо. Насколько плохо? Просто ужасно!

Я живу в Бруклине, в районе Парк-Слоуп. Это настоящий оплот состоятельности. Но то же самое я видела на Манхэттене, в Сан-Франциско, Сиэтле, Лос-Анджелесе и Портленде, штат Орегон. Во всех этих городах я бываю регулярно. Я прекрасно представляю себе, что происходит практически в любом районе, населенном представителями среднего класса, причем не только в городах.

Что позволяет мне так говорить? Вот пара примеров. Готова побиться об заклад, что вы знаете – причем очень хорошо, верно? – родителей, которые живут в страхе перед своими малышами. Я абсолютно уверена, что тридцать с небольшим лет назад моей матери и в голову не пришло бы забирать меня из школы, предварительно запасшись множеством лакомств, чтобы избавить себя от моей истерики. И она не тратила время на размышления о том, что она – не самая лучшая мать в мире.

Но сегодня подобные мысли каждый день приходят в голову всем родителям, которых я знаю. И сама я отношусь к их числу (прости, ма!). Но я готова измениться.

Хотя знакомая поговорка «детей должно быть видно, но не слышно» может показаться чрезмерно резкой – честно говоря, обычно мне очень нравится слышать своих детей, – боюсь, что новая тенденция видеть, слушать, обдумывать и анализировать поведение наших детей ничуть не лучше. А может быть, и хуже: новые исследования показывают, что дети, которых поощряли делиться с миром каждой своей мыслью и хвалили за это, испытывают серьезные трудности в общении с учителями, начальниками и наставниками, менее склонными к восхищению каждым усилием и шагом.

Я очень люблю своих детей, но порой понятия не имею, что они чувствуют после безобидной ссоры на игровой площадке, или что думают, когда я наказываю их за совершенные проступки. Я прочно усвоила (но пока не до конца) отношение моего отца. В годы моего детства он часто повторял: «Мне нет дела до того, что ты думаешь! Я думаю за всех нас!».

Примерно семь лет назад, когда я была абсолютным новичком в материнстве, я наблюдала за родителями, оказавшимися в таком же положении, в надежде понять секреты воспитания детей в нашу восхитительную, сложную и свободную эпоху. О, вот мать гладит своего сына, который швырнул песок в глаза младенца. Он слишком напряжен? Именно поэтому он так поступил? Надо запомнить: ребенок должен быть расслаблен. В моем квартале я не раз видела, как родители «обсуждают» поведение с детьми. Я постоянно слышала, как матери уговаривают детей поделиться с ними своими чувствами – например, в ресторанах.

- Почему ты хочешь залезть на стол, Лайам?

- Коко, пожалуйста, объясни мне свое недовольство зеленой фасолью.

Родители считают, что к детям нужно относиться, как к взрослым, и уважать все их пристрастия и неприятия.

У меня было двенадцать братьев и сестер, и никто в семье не признавал наличия у меня каких-то пристрастий или неприятий. А слово «уважение» в нашем доме подразумевало лишь отношение младших обитателей дома к обитателям более старшим.

Неудивительно, что такое внимание к потребностям ребенка казалось мне очень приятным и важным. В конце концов, дети тоже люди! Часто люди абсолютно невыносимые, но все же люди! На практике же подобный подход оказался весьма и весьма неудобным.

Помню, как моя старшая дочь Уна, которой в тот момент было всего два года, заявила мне, что «мои слова причиняют ей боль». Какое же преступление я совершила? Просто попросила девочку, чтобы она принесла мне свои туфли. Помню, что к своему ужасу я подумала: «Я покажу тебе, что такое боль!». К счастью, в тот момент я просто рассмеялась и вышла из комнаты, оставив дочку в состоянии истерики. Но уже тогда у меня зародились сомнения в правильности новых отношений между родителями и детьми. В конце концов, до семи-восьми лет (если вам повезет), дети по природе своей иррациональны.

Мои подозрения реализовались как-то вечером, когда к нам на ужин пришла моя французская подруга Люси со своим мужем и двумя детьми. Дети Дюранов вели себя просто идеально. Они подчинялись родителям, вели себя уважительно. Когда их просили, они замолкали. Им не нужны были длинные объяснения и уговоры, когда речь зашла о том, что пора садиться за стол. Они просто делали то, что им говорили. Если за ужином они чего-то не хотели, то всего лишь не ели это блюдо. Родители не начинали наперебой предлагать им что-то другое. Мне не пришлось искать никаких сырных палочек.

После ужина взрослые остались за столом с бутылкой вина, а дети играли в гостиной. Я только позволила себе капельку расслабиться и откинуться на спинку кресла, как мне тут же пришлось вмешиваться в детскую перебранку. Сладкое спокойствие продлилось недолго.

Моя младшая дочь Дафна захотела моего внимания. И она поступила так, как поступала всегда. Она начала капризничать, кричать и звать меня из гостиной. (В свое время при малейшей провокации Дафна просто падала и начинала колотить кулачками и ногами по земле. Она делала это с такой энергией, что мы прозвали ее маленькой скандалисткой).

К этому времени я уже около четырех часов наблюдала, как идеально функционирует семейная машина Дюранов, и прониклась их мудростью. Поэтому вместо того, чтобы поступить так, как я делала это обычно, то есть немедленно отреагировать на громкие призывы дочери, я обратилась за советом к Люси. Должна заметить, что ни Люси, ни ее муж не обращали никакого внимания на рев в соседней комнате. Может быть, дело в вине? *Mais non! Ну уж нет!*

Люси наклонилась ко мне, положила свою сильную руку на мое плечо и сказала то, что часто твердила ее мать-парижанка: «Если крови нет, то и вмешиваться не стоит!».

Если крови нет, то и вмешиваться не стоит!

Так просто – и так великолепно. Ну конечно же!

Именно так они и поступают. Нет крови, нет суеты! Родительство – это настоящий баскетбольный – или, скорее, футбольный – матч!

Я не стала подниматься с кресла. Крики в соседней комнате немного усилились. Дафна была в ярости от того, что я не обращаю на нее внимания. А потом вопли закончились так же неожиданно, как начались. Дафна продолжила играть с другими детьми. После этого случая я стала пристально наблюдать за моей подругой, чтобы понять, как она управляется со своими детьми.

Какое-то время я думала, что меня просто очаровывают малыши, которые свободно говорят по-французски. Может быть, на своем идеальном французском они твердят матери, чтобы та наелась дерьма и умерла. Но я знала, что это не так. Маленькие Дюраны не закатывали глаза, не хлопали дверями, не устраивали истерик, не бились о стены, полы и потолки, не кидались едой, ничего не выпрашивали – словом, вели себя идеально. Они не проявляли никакого сопротивления указаниям, поступающим свыше. То есть от мамы и папы.

К сожалению, мой французский был далек от совершенства, и я упускала многое из того кладезя родительской мудрости, который открылся бы мне, если бы я точно поняла, что Люси говорит своим детям. И все же я была убеждена, что она их *не уговаривает и не подкупает*. Позже я устроила Люси настоящий допрос – допрос вежливый и мягкий, но слегка на взводе из-за хронического материнского недосыпа. И Люси подтвердила мне, что это действительно так.

Вскоре, когда в моем собственном доме разразился очередной скандал, я задумалась: «А как поступила бы Люси Дюран?». Проглотив собственную гордость (и все, что не доели мои дети), я задумалась еще сильнее и начала задавать Люси конкретные вопросы.

Например, когда Дафна разрисовала весь наш довольно длинный коридор мелками (о боже!), мы с мужем не знали, как реагировать. В большинстве книг по воспитанию, которые имелись в нашем доме, строго-настрого запрещалось привлекать внимание к конкретному инциденту. Теория заключалась в том, что, когда родители придают слишком много значения определенному поступку, ребенок это запоминает и начинает повторять недопустимое действие, чтобы привлечь к себе внимание. Мы боялись, что в следующий раз Дафна разрисует всю нашу квартиру!

Мы не знали, как с ней поступить. Запереть в комнате? Строго предупредить? Дафне было всего три года, поэтому она могла и не обратить внимание на лишение привилегий или игрушек.

Я спросила у Люси, что они у себя во Франции делают, сталкиваясь с подобным поведением малышей.